

УДК 316.36

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-246-257

«По следам дискуссии мам
о маленькой здоровой девочке»:
гендерные измерения приемного родительства

Мария В. Золотухина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, maria.zolotukhina@icloud.com*

Аннотация. В статье представлено гендерное измерение дискурса о приемных детях в российских социальных сетях. На основе включенного наблюдения и анализа текстов в течение 2014–2021 гг. интерпретируются женские (являющиеся ключевыми) и мужские роли в усыновлении/опеке – от обсуждения решения о приеме ребенка, организации поиска до адаптации; идентифицируются гендерные пожелания кандидатов (предпочтение девочек). Выявлено, что женщины гораздо больше включены в обсуждение приемного родительства, чем мужчины.

Ключевые слова: удочерение, усыновление, опека, приемные семьи, сироты, гендерные роли, материнство, отцовство, адаптация, гендер, пол

Для цитирования: Золотухина М.В. «По следам дискуссии мам о маленькой здоровой девочке»: гендерные измерения приемного родительства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1 (ч. 2). С. 246–257. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-246-257

“Following up on the mothers discussion
of a healthy little girl”.
Gender dimensions of adoption

Mariya V. Zolotukhina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
maria.zolotukhina@icloud.com*

Abstract. The article presents the gender dimension of the discourse about adopted children in Russian social networks. Basing on the included observation and textual analysis during 2014–2021, it interprets female (key) and male roles in the adoption/guardianship – from discussing the decision to adopt

© Золотухина М.В., 2021

a child and the search organizing to adaptation; gender wishes of candidates are identified (preference is given for girls). It was found that women are much more involved in the discussion of adopting/fostering than men.

Keywords: adoption of the daughter, adoption of the son, guardianship, adoption/foster families, orphans, gender roles, motherhood, fatherhood, adaptation, gender, sex

For citation: Zolotukhina, M.V. (2021), “ ‘Following up on the mothers discussion of a healthy little girl’. Gender dimensions of adoption”, *RSUH/RGGU Bulletin. Philosophy. Sociology. Art Studies Series*, no. 1 (part 2), pp. 246–257, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-246-257

Введение

Изучение разных форм приемного родительства [Гурко, Тасеев 2006; Ярская-Смирнова и др. 2015, Галушина 2019, Kulmala et al. 2020], в том числе как дискурсивного конструкта [Чернова, Шпаковская, Гарифуллина 2020], репрезентации приемного родительства в медиа [Шпаковская 2018], исследования гендерных и поколенческих аспектов материнства и отцовства [Безрукова 2017; Рождественская 2020; Гурко 2019; Шевченко 2018; Шевченко 2019] постоянно привлекают внимание ученых. Количество семей, ежегодно усыновляющих детей в России, – немногим более 3 тыс., число детей, подлежащих семейному устройству, сократилось с начала 2010-х гг. примерно вдвое, составляя менее 50 тыс.¹ Однако последствия подобной деинституционализации сиротства, важные изменения в законодательстве и практике, популяризация темы в массовой культуре позволяют обратить внимание на то, как эти явления сопряжены с ключевыми семейными ценностями, в том числе гендерного порядка, как развивается дискурс приемного родительства с точки зрения морального императива [Чернова, Кулмала 2018], легитимизации его как тождественного биологическому или альтернативного ему. В статье анализируются гендерные элементы обсуждения усыновления/опеки в социальных сетях, касающихся распределения родительских ролей – на этапе принятия решения (поиска ребенка) и его адаптации в семье. Рассматривается рационализация предпочтений девочек.

¹ Число детей-сирот в России резко сократилось за год // Интернет-портал «Усыновите. ру» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usynovite.ru/massmedia/79b64ab9dd.html> (дата обращения 29 марта 2021).

Начиная с 2014 г. осуществлялось включенное наблюдение пяти групп соцсети Facebook, которые представляют собой значимый ресурс эмоциональной и практической поддержки для кандидатов и состоявшихся усыновителей/опекунов и позволяют анализировать перформативные и дискурсивные практики приемного родительства. Группы перекрывают друг друга по участникам и контенту: 1) «На пути к усыновлению/волонтерству: пошаговая инструкция»; общая, 12,3 тыс.; 2) «Сообщество приемных семей»; закрытая, 1,3 тыс.; 3) «Приемные родители: поддержка кандидатов и начинающих»; закрытая, 4,2 тыс.; 4) «Заберите счастье домой»; закрытая, 2759; 5) «Мама, найдись»; открытая, 724 человека. Дополнительные источники включали сайты и страницы в соцсетях НКО, занимающихся вопросами усыновления/опеки: «Измени одну жизнь», «Арифметика добра», «Дети ждут», «Волонтеры в помощь отказникам», Инстаграм-блоги.

Репрезентация женщин и мужчин в качестве приемных родителей

Одной из гендерных особенностей дискурса о приемном родительстве, сформированного и репрезентированного в соцсетях, является преимущественное участие в группах женщин – кандидаток и уже состоявшихся приемных родителей. Специфика женского опыта профессиональных приемных родителей упоминается в работе Ж. Черновой [Чернова, Кулмала 2018]. Несмотря на использование термина «усыновление», гендерный дисбаланс в пользу материнства в самой системе поиска замещающих семей для детей любого типа заметен даже по названию групп в соцсетях: «Мама для мамонтенка», «Мама, ты где?»; хэштегам – «мама, найдись, ищущу маму, жду маму, требуется мама, найди меня, мама» и пр. Внегендерный – семейный – дискурс, выражаемый в призывах: «Требуются родители!» или «в поддержку детей постарше, которым мама и папа нужны не меньше» вторичен по значимости.

О женском характере коммуникации свидетельствуют обращения в группах: «Девочки, конечно, сил становится все меньше с годами, приходится думать, как “обмануть” возраст...» или «Мамочки...», характерные для многих так называемых мамских групп в соцсетях. При общей солидарности во время обсуждения «тематических детей» по острым или чувствительным вопросам, в том числе поиску ребенка, отмечается существенный разброс мнений, примеры конфликтного характера дискуссий встречаются нередко. Проблемы успешности матери в процессе адаптации детей и ее

оценка своего пути в качестве приемного родителя проиллюстрирована словами одной из участниц групп: *«Здесь есть приемные мамы детей, у которых особенно серьезные нарушения привязанности, они друг друга понимали с полуслова, с пол-вздоха»*.

Приоритет женской роли в приемном родительстве и высокая степень субъектности женщин предположительно обуславливает то, что женщины, которые планируют без супруга (партнера) брать ребенка или уже сделали это, открыто не стигматизируются и получают поддержку. При этом неполная семья представляется многим участницам менее предпочтительной с точки зрения устройства ребенка. Гораздо более негативную реакцию вызывают редкие, но тем не менее встречающиеся случаи принятия детей мужчинами, не состоящими в браке, за исключением произошедших давно – заведомо успешных. Присутствие мужчин-супругов, а также мужчин-экспертов в группах становится более заметным, в том числе благодаря и попыткам модераторов активно их популяризировать: к примеру, с 2021 г. существует *Клуб приемных пап*.

В самоописаниях женщин прослеживаются два типа упоминаний отцов. В одних они условно помещаются вне содержательного контекста адаптации: *«...обычно для мужчины это чужой ребенок. Они к своим кровным долго прикипают»*. Однако подобное неверие в способность мужчин полноценно участвовать в процессе «создания/установления родства» (*kinning* – по терминологии С. Хауэлл [Howell 2009] – особые усилия по сокращению биологической/социальной дистанции) не нивелирует видение позиции мужчины в отношении самого решения о принятии ребенка в семью как существенной: *«Брать ребенка, если мужчина не готов – супер рискованное занятие»*. Столь же неразумной характеризуется и попытка *«мужчину удержать приемным ребенком... результат будет ожидаемо печальным»*. В другом типе постов/комментариев женщина как бы одерживает победу над мужчиной за счет своей активной позиции:

И вот я пошла за ребеночком, а он сопротивлялся. Я объяснила, что он может быть свободен... и он сам осмыслил свою ситуацию... Муж оказался очень хороший отец...

Итак, конструирование нарратива о материнстве перекрывает формирование нарратива о родительстве. Отчасти в этом можно увидеть традиционное прочтение материнства как типично женского занятия и женской ответственности. Специфичными для приемства представляются высокая ресурсоемкость адаптации в семье ребенка из учреждений, требующая особого внимания, обучения, времени, сил. Женщина позиционируется как более

расположенная к выполнению этих задач и в большей степени отвечает за успех. Это явственно проявляется в таких ситуациях, как социализация ребенка с особыми потребностями, обеспечение постоянного тактильного контакта для компенсации проблем с нарушением привязанности, научение ребенка жизни вне институции и т. д. Декретный отпуск или перевод работы на иной режим – также прерогатива женщины.

*Предпочтения с точки зрения
биологического пола
при поиске приемного ребенка*

Нередко в семейной паре женщины первые принимают решение о том, чтобы взять ребенка и фактически сами его осуществляют с точки зрения организационных усилий. Зарубежные исследователи связывают с этим еще одну гендерно маркированную характеристику усыновления – предпочтение ребенка по признаку биологического пола [Gibbons, Wilson, Rufener 2006, Gibby, Thomas 201]². В России, за счет практикующегося принципа и механизма определения детей в семье, можно говорить о селективной «репродукции» в социальном смысле: собственно выбор конкретного приемного ребенка является правом любого будущего родителя. По мнению многих участниц групп в соцсетях, реализация подобного права и составляет необходимое условие задумываться о приемном родительстве. Выбор родителей детьми более старшего возраста вторичен и в любом случае опосредован опекой. Тогда, как считают участницы групп, и «*реализуется принцип “семья для ребенка, а не ребенок для семьи”*».

Заданные будущими родителями параметры прописываются в заявлении на получение заключения о возможности быть усыновителем/опекуном. Их репрезентация в соцсетях содержит элемент рефлексии, рационализации своих пожеланий и обсуждения шансов их реализовать: «*Ищем здорового мальчика, от нуля до двух без патологий, так и не нашли подходящего...*».

² Caughman S., I. Motley. Selecting Gender in Adoption [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adoptivefamilies.com/how-to-adopt/selecting-gender-in-adoption> (дата обращения 28 февраля 2021); African-American Babies and Boys Least Likely to be Adopted, Study Shows. Caltech. April 1, 2010 [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.caltech.edu/about/news/african-american-babies-and-boys-least-likely-be-adopted-study-shows-1610> (дата обращения 28 февраля 2021).

По интерпретации кандидатов и усыновителей, самый частый – «популярный» запрос или «формат» – маленькая девочка («до года» или «до трех лет»). Поиск девочек так активно обсуждается в соцсетях, что сама постановка вопроса о том, кого ищут, кажется очевидной: «*Пол неважно, склоняемся к девочке*», «*с года до трех ищу в Москве*» или «*про внешность не знаю, девочку*», а стандартным ответом операторов региональных баз данных по сиротам является (иногда вместо приветствия): «*Девочек до 12 лет нет. И не ожидайте. Их не будет*».

Образ стереотипной идеальной девочки – блондинки с голубыми глазами – доминирует в восприятии уже сформировавшегося дискурса до такой степени, что вариации могут специально оговариваться: «*Тоже хотела девочку (не Блонди) 4–6 лет, а дали недоношенного младенца*». Интересно, что здесь (как и в примере ниже) несовпадение желаемого пола и «получаемого» выражается в более нейтральной, как будто внегендерной характеристике: «*не девочка, но милый малыш*».

В рассуждениях участниц группы показатели пола, возраста и гендера находятся в достаточно сложной взаимосвязи друг с другом, а важным (хотя не единственным) общим «знаменателем» представляется попытка гарантировать удачную адаптацию: «*У меня возраст до 8 лет, правда, если старше 5, то хотим девочку...*». То есть пол оказывается приоритетным критерием, а предпочтения девочек кроются в гендерных стереотипах – опасениях того, что с мальчиком будет труднее справиться, особенно при «*плохих генах*», ведь эти дети – «*кот в мешке*». Другое объяснение приписывается роли женщины в приемном родительстве: «*Многие мамы любят именно девочек; и если женщина принимает решение о приемстве, то она и будет выбирать девочку*». В то же время трудные отношения с собственной матерью приводятся в качестве причины противоположного выбора – сознательного или случайного:

Мама-дочка и в кровных семьях часто хромает, наверное, поэтому я взяла именно сына, и искала сына, а девочку не рассматривала;

Я хотела девочку, а дали мальчика... думаю, хорошо, что так... с мамой у меня трудные отношения...

Обсуждение поиска девочки, как правило, имеет своей целью не рефлекссию нравственности предпочтений, а скорее практический ракурс: «*Подскажите, где вы искали своих дочек?*»

Сопряжение ожиданий кандидатов и представлений о реальном опыте приемства

Тщательное следование ожиданиям (не только гендерным) порой делает поиск ребенка очень продолжительным: *«Мы с мужем уже два года ищем себе сыночка, все документы на руках»*. В обратной связи, которую предлагают друг другу кандидаты, прослеживается два типа реакции. Согласно одной, чрезмерная избирательность не конструктивна – ни с точки зрения ищущих, ни с позиции определения детей в семью:

Однажды моя бездетная приятельница... рассказала, что по федеральной базе детей-сирот присматривает себе ребенка... вот цвет глаз, волос, возраст, наличие братьев и сестер... прошло 12 лет, она все подбирает, а у нас к двум кровным шестеро приемных детей!

Это хорошо иллюстрируется сложным моральным последствием подобной системы размещения детей – стабильным количеством трудно устраиваемых сирот, которым требуется особый «пиар»: *«Катюша, с одной стороны просто идеал для будущих приемных родителей. Девочка! Блондинка! С полным статусом. Но...»*.

Еще одна причина критиковать селекцию по критерию биологического пола сводится к тому, что поведенческие проблемы ребенка из детдома могут нивелировать достоинства ожидаемых гендерных характеристик девочки, что делает сам подход неоправданным: *«Знать бы заранее, какую девочку подвезут...»*. И будто ответ: *«Какую Бог даст – такую и подвезут... никто же заранее не знает, когда идет в Дом ребенка, будет ли ребёнок идеальным или нет»*. Неприятие же может возникнуть по любой – субъективной – причине: *«Даже запах ребенка может стать причиной отказа»*.

Опыт конкретных родителей еще больше подчеркивает мнимость реальной субъектности и функциональности гендерно окрашенных ожиданий в выборе – относительно прогнозирования собственных чувств, поведения ребенка и коммуникации:

У меня две дочки. Одну люблю – не могу, сердцем, душой, головой, она у меня под кожей. Другую люблю сердцем и головой;

Старшая – моя-моя-моя, сестрички – 2018 – мелкая уже моя, а вот со средней сложней всего – и пахла не так, и бесит меня более остальных, хотя уже меньше, чем раньше;

Моей дочке было 3 года, когда ее забрала. Белокурый, голубоглазый ангелочек, сейчас ей 11. Самый сложный мой ребенок. За годы прошли полный букет. Нужно быть в ресурсе.

Чтобы продолжить искать девочку-мечту, родители могут адаптировать другие ожидания – группу здоровья, возраст, этничность:

Мы свою дочь нашли за 1 мес. Но у нас заключение было – усыновление, девочка до 1,5 лет, группа здоровья 1–5. Звонила круглосуточно по детям. Освободилась девочка в Якутске, метнулись, забрали. Обследовались. 1 группа здоровья. Дома год уже. Любим, до потери сознания.

Как и гендерные предпочтения, желание расово-этнической схожести рационализируется: можно говорить о формировании стереотипа «здоровой национальной девочки». Заявляется и подход, в основе которого лежит, скорее, случайная встреча с ребенком: «Короче, кто будет свободный, того и возьму».

Еще один сюжет – рефлексирование собственной ресурсности либо осуждение выбора ребенка:

Не на базаре ведь лошадь выбирают... происходит объективация живого человека, который не предмет мебели, так как позабыли о субъектности... в результате чего ощущение магазина не проходит... это не магазин. Это жизнь ребенка.

Сопряженным является критика женщин, не готовых принять трудные категории детей – вплоть до того, что их решение кажется немногим лучше позиции матерей, которые отказались от своерожденных детей. Либо, напротив, выбор оправдывается: поскольку речь идет об адаптации в семье, «пристыжение», попытка «взять на слабо», «волонтерская самоотверженность» неуместны: «На волне таких текстов могут совершаться героические поступки, а потом возвраты», да и «нет хуже мотивации, чем чувство вины». Речь идет о стремлении легитимизировать желание родителей (в первую очередь, женщин) следовать своим предпочтениям в выборе детей: «Нормально хотеть принять в семью ребенка определенного пола, возраста и состояния здоровья», «нормально для новичка хотеть принять в семью маленькую здоровую девочку»; «никакой дискриминации по полу и возрасту тут нет». Приемство в таком случае заявляется как альтернативное биологическому родительству: «Это – работа. Нормально себе искать работу по силам». В любом случае задача растить ребенка снова возлагается на женщин: «Ласку... заботу... научить жизни... и многому обучить как женщина».

Заключение

По данным тематических социальных сетей, женщины существенно более активно репрезентированы в дискурсе о приемном родительстве, на них ложится основная ответственность за решение о нем, за организацию усилий по поиску ребенка, реализацию достаточно ресурсоемкого (по мнению самих участниц) проекта адаптации ребенка в семье – вне зависимости от того, заявляется ли приемное родительство тождественным биологическому или альтернативным (и позиционируется, скорее, как работа, труд). В первом случае репрезентация происходит в том числе с помощью метафор рождения, биологического материнства: *«Моя-моя», «кровиночка»*; *«я своих родила сердцем»*; *«у меня нет своерожденных, все мои рождены сердцем»*, фраз: *«У нас сегодня родилась дочь. Ей пять лет»* или *«у меня сын “родился” сразу 13-летним, но до этого было года 2 наставничества»* (пишет мужчина), как будто отвечая тем, кто говорит, что *«ребенок из детдома не сахар. Хочется своих. И нормально выношенных»*.

Один из одобряемых способов не разочароваться в возможности подобного тождества – искать желанного ребенка, руководствуясь в том числе предпочтениями биологического пола. Мечты о девочке характерны для многих будущих матерей и считаются ими же как наиболее типичные, нередко ассоциирующиеся со стойкими гендерно-маркированными характеристиками: *«Хочется наслаждаться заколками и платьями...»*. Готовность следовать идее селективности по признаку пола представляется весьма высокой, скорее не заслуживающей осуждения как этически спорной, хотя, возможно, и не всегда эффективной, так как, по опыту состоявшихся приемных матерей, гендерный фактор не гарантирует успешность адаптации.

Литература

- Безрукова 2017 – *Безрукова О.Н.* Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 88–110.
- Галушина 2019 – *Галушина Н.С.* (ред.). Без родителей: Сиротство как социокультурное явление. М.: РГГУ, 2019. С. 74–98.
- Гурко, Тасеев 2006 – *Гурко Т.А., Тасеев В.Б.* Приемные семьи в России (на примере Самарской области) // Актуальные проблемы семей в России / Под ред. Т.А. Гурко. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 74–91.
- Гурко 2019 – *Гурко Т.А.* Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 65–80.

- Рождественская 2020 – *Рождественская Е.Ю.* Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185.
- Чернова, Кулмала 2018 – *Чернова Ж.В., Кулмала М.* «По сложности – это работа, по состоянию души – семья»: Профессионализация приемного родительства в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21 (3). С. 46–70.
- Чернова, Шпаковская, Гарифулина 2020 – *Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., Гарифулина Э.Э.* Мотивы и практики создания приемных семей (анализ нарративов) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 74–83.
- Шевченко (2018) – *Шевченко И.О.* Зачем нужны отцы: размышления детей о важности отцов и их роли в семье // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 65–74.
- Шевченко (2019) – *Шевченко И.О.* Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. М.: Тривант; РГГУ, 2019.
- Шпаковская 2018 – *Шпаковская Л.Л.* «Подкидыши»: репрезентация приемного родительства в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 3. С. 71–92.
- Ярская-Смирнова и др. 2015 – *Ярская-Смирнова Е., Присяжнюк Д., Вербилович О.* Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 4. С. 157–173.
- Gibbons, Wilson, Rufener 2006 – *Gibbons J.L., Wilson S.L., Rufener C.A.* Gender Attitudes Mediate Gender Differences in Attitudes Toward Adoption in Guatemala // Sex Roles. 2006. Vol. 54. No. 1/2. January. P. 139–145.
- Gibby, Thomas 2019 – *Gibby L.A., Thomas K.A.* Adoption: A Strategy to Fulfil: Sex Preferences of U.S. Parents // Journal of Marriage & Family. Vol. 81. No. 2. 2019. P. 531–541.
- Howell 2009 – *Howell S.* Adoption of the Unrelated Child: Some Challenges to the Anthropological Study of Kinship // Annual Review of Anthropology. 2009. Vol. 38. P. 149–166.
- Kulmala et al. 2021 – *Kulmala M., Jappinen M., Tarasenko A. and Pivovarova A.* Reforming Child Welfare in the Post-Soviet Space. Institutional Change in Russia. London; New York: Routledge, 2021.

References

- Bezrukova, O.N. (2017), “Values of Children and Parenthood. Intergenerational Dynamics”, *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 23, no. 1, pp. 88–110.
- Cherhova, J. and Kulmala, M. (2018), “It is as Complicated as any Work is, but it is Family when it Comes to your Soul. Making Adoption and Fostering Professional in Contemporary Russia”, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 21, no. 3, pp. 46–70.

- Chernova, J., Shpakovskaya, L. and Garifulina, E. (2020), "Motives and Practice of Adoption and Foster Families Creation. Analyzing the Narratives", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 2, pp. 74–83.
- Galushina, N.S. (ed.) (2019), *Bez roditelei: Sirotstvo kak sotsiokul'turnoe yavlenie* [Without Parents. Orphanhood as a Social and Cultural Phenomenon], RGGU, Moscow, Russia, pp. 74–98.
- Gibbons, J.L., Wilson, S.L. and Rufener, C.A. (2006), "Gender Attitudes Mediate Gender Differences in Attitudes Toward Adoption in Guatemala", *Sex Roles*, vol. 54, no. 1/2, pp. 139–145.
- Gibby, L.A. and Thomas, K.A. (2019), "Adoption: A Strategy to Fulfill Sex Preferences of U.S. Parents", *Journal of Marriage & Family*, vol. 81, no. 2, pp. 531–541.
- Gurko, T. and Taseyev, V.B. (2006), "Adoptive/foster Families in Russia (the case of Samara Region)", *Aktual'nye Problemy Semei v Rossii* [Current Issues of Families in Russia], Gurko, T.A. (ed.), Institut Sotsiologii RAN, Moscow, Russia, pp. 74–91.
- Gurko, T. (2019), "Students' Attitudes towards Parenthood and the Social Roles of Men and Women", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, vol. 7, no. 2, pp. 65–80.
- Howell, S. (2009), "Adoption of the Unrelated Child: Some Challenges to the Anthropological Study of Kinship", *Annual Review of Anthropology*, vol. 38, pp. 149–166.
- Kulmala, M., Jappinen, M., Tarasenko, A. and Pivovarov, A. (2021), *Reforming Child Welfare in the Post-Soviet Space. Institutional Change in Russia*, Routledge, London, New York, UK, USA.
- Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2020), "Involved fatherhood, caring masculinity", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring. Economic and Social Change], no. 5, pp. 155–185.
- Shevchenko, I.O. (2018), "What do you need fathers for. Children reflecting on the importance of fathers and their role in the family", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy, Sociology, Art Studies" Series*, 2018, no. 2, pp. 65–74.
- Shevchenko, I.O. (2019), *Ottsy i otsovstvo v sovremennoi Rossii: sotsiologicheskii analiz* [Fathers and Fatherhood in Contemporary Russia], Trovant, RGGU, Moscow, Russia.
- Shpakovskaya, L.L. (2018), "'Foundlings'. Representations of Foster Parenthood in Contemporary Russia", *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*, vol. 21, no. 3, pp. 71–92.
- Yarskaya-Smirnova, E., Prisyazhnyuk, D. and Verbilovich, O. (2015), "Adoptive/Foster Families in Russia. Public Discourse and Key Actors Opinion", *Zhurnal sotsiologii y sotsial'noi antropologii*, vol. 18, no. 4, pp. 157–172.

Информация об авторе

Мария В. Золотухина, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, 125047, Россия, Москва, Миусская пл, д. 6; maria.zolotukhina@icloud.com

Information about the author

Mariya V. Zolotukhina, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; maria.zolotukhina@icloud.com